

Выйдя через южные врата Меккана и переплыв широкий, словно море, Фраюс, вы достигнете поселения Харден.

Это небольшое село в шестьдесят домов, большинство из которых кажутся ветхими и неприглядными, и всё-таки оно имеет большое значение для церкви Амека – духовной опоры Ноабской империи.

Харден – не обычное поселение, а нечто вроде общины, образованной монахами храма Амека. Как водится в подобных населённых пунктах, в его центре располагаются храм и монастырь, которые кольцом охватывают жилые постройки.

По всему Ноабу разбросано великое множество монастырей и храмов, причиной же того, что это место имеет особый статус, является тот факт, что на протяжении многих столетий монахи Хардена стояли на страже церкви Амека и служили её копьём и щитом.

В то время, как прочие священнослужители сосредоточены на накоплении святой силы и духовном развитии, оказании медицинской помощи беднякам и демонстрации своего праведного образа жизни, местным монахам наказано оттачивать физические навыки и защищать храм от врагов, угрожающих Амеку. Иными словами, монахи Хардена – это воители, стоящие на страже своей веры.

Если же проследить причины зарождения этой тайной организации, о существовании которой едва ли догадываются обычные прихожане, то придётся вернуться на много лет назад во времени – к эпохе династии Бартенкиума.

Бартенкиум, прозванный императором-людоедом, страшно ненавидел храмы Амека и за годы своего правления убил огромное количество священников и прихожан.

До него церковь Амека была миролюбивой религией, отвергавшей любые проявления физического насилия.

Однако в тёмные времена династии Бартенкиума часть молодых, преисполненных веры священников решила, что должна отстоять храмы Амека, пусть даже насильственными методами. Они создали объединения, призванные противостоять агрессивным действиям культа Бартенкиума.

В результате, многие из активистов были схвачены культом императора, подверглись ужасным пыткам и лишились жизни, однако сопротивление не сошло на нет и даже неуклонно росло, разгораясь, словно степной пожар.

Прошли столетия с тех пор, как культ Бартенкиума исчез с лица Земли, однако их начинания стали традицией, которая существует и по сей день...

Фраюс несёт охру с верховьев реки и формирует в окрестностях Меккана плодородный ил. Благодаря этому цвет мутных речных вод варьируется от желтоватого до красного оттенков.

Плеск... плеск...

Близился вечер, небольшая одинокая лодка скользила по Фраюсу, вышедшему из берегов из-за прошедших наметных дождей. На носу орудовал веслом пожилой лодочник, кроме него в лодке находились двое мужчин в серых монашеских балахонах и молча смотрели на расположившийся по ту сторону реки посёлок.

«Вы монахи Амека? Плывете в монастырь за рекой?» – спросил изнывавший от скуки лодочник, поскольку за всё время никто из клиентов не проронил ни слова.

Памятуя о немногословности монашеской братии, лодочник не слишком рассчитывал на продолжение беседы, однако, к его удивлению, ему внезапно ответили, причём довольно дружелюбным тоном.

«Да пребудет с вами бог в этой и загробной жизни... Нас, по воле Амека, временно командировали в монастырь Хардена.»

«Ох, п-правда?..» – поспешил склонить перед ними голову старик.

Далеко не каждый священник был настолько дружелюбен, чтобы удостоить вежливым ответом простого лодочника. За свою жизнь он перевёз через реку бессчётное количество людей, но монахи Хардена всегда хранили угрюмое молчание и добиться от них даже односложного ответа было непросто.

Настроение лодочника заметно улучшилось, и он принялся рассекать веслом мутные воды Фраюса куда энергичнее, чем прежде.

Когда лодка подошла к пристани, то монахи, вручая оплату, ещё раз одарили лодочника милостью Амека. Растроганный старик заявил, что впервые в жизни получает два благословения священника за один день, и кланялся, не переставая, не зная, как выразить свою благодарность.

Плеск... плеск...

После того, как лодочник тронулся в обратный путь, один из монахов, наконец, откинул капюшон и тяжело вздохнул. На вид ему было немногим за пятьдесят. Косматая борода и практически лысая голова придавали ему добродушный и благопристойный вид.

«Ай-ай-ай... Неужто местные священники настолько не приветливы, что от них и простого «спасибо» не услышишь? Амик доброжелателен к простым людям, так что подобное поведение с их стороны...»

Второй монах сочувственно поцокал языком, после чего тоже откинул капюшон и улыбнулся: «А разве не все священники такие?»

Под капюшоном обнаружилось лицо молодого человека. Его правильные, аристократичные черты казались странным образом знакомыми. Невероятно, но это оказался Рахман!

Как удивительно видеть Рахмана, а точнее Широна под его личиной, в этом захолустном монастыре, ведь он сейчас должен находиться вместе с Тией в резиденции Аль Маджали!

«Эй! Я ведь, между прочим, тоже священник!.. Ладно, нам следует поторавливаться. Мы же хотим попасть в монастырь до наступления темноты? Идём!»

Взвалив на плечи весьма объёмные с виду тюки, два монаха поспешили подняться на холм, на вершине которого и находилось поселение Харден.

Со стороны они выглядели, как только что назначенные в новый монастырь монахи. Два служителя – и молодой, и старый – дружно шагали вперёд, а сиявшее над рекой солнце медленно клонилось к закату, и отбрасываемые тени становились всё длинней.

В монастыре новоприбывших встретил сорокалетний монах, представившийся приором[1] монастыря. Это был низкий – около ста пятидесяти пяти сантиметров ростом, сухой человечек, с заострённым подбородком, делавшим его похожим на крысу.

Одетый в чёрный монашеский балахон, опоясанный серой верёвкой, приор кивнул вошедшим, положил на стол связку документов и дотошно, строчка за строчкой, перечитал каждый из них.

«Имя... Геб. Отец Геб, так? Имеется рекомендация от старейшины... Хм, ваш спутник рекомендован другим старейшиной?»

Когда приор уставился на них своим пытливым взглядом, монах по имени Геб представил спутника, указав рукой в его сторону: «Этого человека назначили моим ассистентом, однако он всё ещё не принял сан. Как вы уже, наверное, поняли из рекомендательного письма, нас направили сюда с целью...»

«Я прекрасно знаю, отец Геб, по какой причине старейшины отправили вас в наш монастырь», – оборвал приор священника на полуслове. – «А ещё знаю, с каким недовольством они относятся к деятельности нашей общины.»

«П-позвольте!.. Вы не совсем правы. Старейшины хорошо понимают необходимость существования этого монастыря. Однако его деятельность слишком окутана завесой тайны, что вызывает у них вполне справедливое беспокойство.»

Некоторое время, не боясь показаться невежливым, приор пристально разглядывал доброжелательно улыбавшегося Геба, после чего ледяным тоном проговорил: «Вам нет нужды оправдываться. Мы в курсе, что часть священников смотрят на наш монастырь со столь сильным предубеждением, что даже окрестили его Чёрным аббатством. И всё-таки я искренне надеюсь, что вы понимаете – всё это время это так называемое «Чёрное аббатство» предано стояло на страже церкви Амека. Более того – монахи продолжают проливать свою кровь, несмотря даже на то, что ни одно из наших имён никогда не будет увековечено на стенах храмов!»

К концу монолога лицо приора побагровело от сдерживаемых чувств.

«Кхем-кхем», – откашлялся Геб, смутившись выражением лица собеседника и избегая встречаться с ним взглядом. Впрочем, это вовсе не означало, что он не знал о важной роли монастыря или был склонен принижать жертву здешних монахов.

«Конечно, мы понимаем. Прошу, не думайте, что нас отправили шпионить за делами монастыря, потому что посчитали их подозрительными. Считайте, что мы пришли ради обмена опытом с братьями по вере», – и в довершение речи Геб учтиво склонил голову.

Наконец, приор сменил гнев на милость и, кликнув другого монаха, поручил препроводить новоприбывших в отведённую для них комнату. Но, после того, как Геб с Широном откланялись и направились к выходу, приор неожиданно добавил: «Позвольте дать вам совет – не бродите по монастырю либо посёлку в ночное время. Наша община сильно отличается от других поселений.»

Заслышав произнесённую резким голосом фразу, Геб с Широном на секунду остановились и дружно кивнули. Они поняли вложенный в слова смысл. И всё же Широном не собирался следовать этому совету.

В сопровождении монаха, новоприбывшие прошли длинной галереей. Стены её украшали портреты архиепископов церкви Амека былых времён. По другую же сторону виднелся заботливо возделанный сад, но, хотя здесь, конечно, были и цветы, большую его часть составляли овощи и другие съедобные растения. Если задуматься, то количество видов растений в монастыре было даже слишком большим.

«Как странно! Обычно в земледелии для достижения наилучшего результата стараются в большом количестве высаживать какую-либо одну культуру, так отчего же здесь царит такое разнообразие? Причём, похоже, что это особенность не только монастыря, но и всего посёлка. Интересно, в чём же причина? Больше похоже на место, в котором занимаются исследованием растений», – подумал Широн, однако не стал интересоваться у сопровождавшего монаха – неуместные расспросы могли вызвать излишние подозрения и заметно сузить радиус его действий в дальнейшем.

Монах сопровождал Широна и Геба в самый конец галереи – именно здесь находилась отведённая для них комната.

Предоставленное новоприбывшим помещение было маленьким и весьма аскетичным. Две кровати, один стол, одна лампа и один платяной шкаф – вот и всё убранство тесной комнатухи. Из-за того, что помещение слишком долго пустовало, воздух здесь стоял затхлый.

Сопровождающий бесстрастным голосом перечислил часы приёма пищи, после чего, не сказав более ни слова, удалился. Геб пожал плечами и завалился на кровать.

Широн раскрыл маленькое окошко, чтобы хоть немного проветрить помещение. За окошком обнаружился вид на огород и цветник – как и ожидалось, растения здесь так же, как и повсюду в поселении, росли небольшими, равными группами.

«Фу-ух! Н-да уж, радушие этих монахов просто поражает! В общем, будь осторожен с ними», – проговорил Геб с беспокойством.

Широн кивнул головой.

«Хоть господин Аль Маджали и просил взять тебя с собой, знай – это место опасно. Недаром его окрестили страшным термином Чёрное аббатство», – предусмотрительно понизив голос, произнёс спутник.

Широн перевёл взгляд на Геба и ещё раз кивнул. Он и не думал, что с этим местом будет просто.

«Не волнуйтесь, я буду осмотрителен.»

«Да будет так. И всё же – для чего господин Аль Маджали отправил тебя в этот монастырь, что вы собираетесь здесь найти? Воистину, это...»

«Извините, святой отец, но если вы будете в курсе, то не сможете выбратья невредимым из этого места. Так что прошу, не пытайтесь это выяснить», – отклонил Широн вопрос своего спутника.

Об этом ведали единицы. Фактически, всю информацию о задании знали лишь сам Широн и Аль Маджали. Даже Тия не была в курсе, куда именно он отправился.

Чтобы Широн смог тайно проникнуть в это место, Аль Маджали задействовал связи со

старейшиной храма Амека, с которым в былые времена водил тесную дружбу. Широн тоже отнёсся к делу со всей серьёзностью и принялся за штудирование храмовых обрядов и церемоний. Конечно, столь малого времени для полноценного обучения было недостаточно, но хотя бы основы он усвоить успел.

То, что они с Аль Маджали искали в этом месте, не было вещью или документом. Они планировали найти заточённого в местном подземелье наследного принца – Аль Назара! Проклятого судьбой человека, в припадке безумия напавшего на императора с мечом в руках.

Прежде чем вступать в сражение с архиепископом, необходимо было схватить его за горло. После долгой беседы наедине Широн и Аль Маджали пришли к выводу, что подобных возможностей всего две. Первая была связана со старейшинами храма Амека, а вторая – с заключённым здесь наследным принцем. Было решено, что как минимум один из этих козырей следует иметь на руках.

В конце беседы, Широн убедил Аль Маджали, что должен отправиться в Чёрное аббатство лично. Проникнуть в самое сердце вражеского лагеря.

Два дня Широн не предпринимал никаких действий. Присматриваясь к строжайшему укладу жизни в монастыре, он не покидал своей комнаты по ночам, днём же остерегался опрометчивых действий в особенности.

Однако слишком долго тянуть было нельзя. Шли третьи сутки с тех пор, как он проник в Чёрное аббатство. Наступил последний, самый тёмный день лунного месяца, который совпадал с Днём святого Мюона.

«Святой Мюон» – это день, посвящённый мученической кончине священника Мюона. В эту дату в других храмах проводились лишь общие обряды. Но здесь, в Чёрном аббатстве, этот день был особенным. Дело в том, что Мюон был одним из основателей монастыря.

Согласно информации, полученной Широном из библиотеки храма Амека, Мюон был человеком, объединившим разрозненные отряды сопротивления. После череды бесчисленных сражений против культа Бартенкиума он был схвачен и, в результате, стал украшением обеденного стола, а император-людоед лично обглодал его кости.

Однако до того, как принять ужасную смерть от рук императора, Мюон придумал множество партизанских тактик, которые неустанно создавали проблемы династии Бартенкиума. Кроме того, он успел воспитать преемников, лично обучал людей догматам Амека, да и вообще совершил немало полезных дел. Как основатель Чёрного аббатства, он внёс столь грандиозный вклад в его существование, что многие называли его первым аббатом монастыря.

Так или иначе, но в день Святого Мюона монахи соблюдают строгий пост и проводят время в молитвах, на сутки обрывая все контакты с внешним миром. Причиной, по которой Широн так спешил внедриться в это место, была именно эта информация, полученная им от Аль Маджали.

Ш-ших!

Глубокой ночью, когда посёлок окутало непроглядным мраком, Широн открыл глаза.

За минувшие два дня он отметил для себя несколько подозрительных мест, где теоретически мог содержаться наследный принц, и сегодня намеревался проверить самое перспективное из них – продовольственный склад.

Воспользовавшись тем, что большая часть монахов задействована в ритуалах, Широн добрался до подземного продовольственного склада практически бегом. Обычно здесь, у входа, всегда караулили два-три монаха в чёрных балахонах, однако сегодня никого из них видно не было.

Дверь склада была заперта на крупный замок, но руки Широна замерцали зеленоватым огнём, и, спустя десять минут замок распался на части. Прежде чем открыть, наш герой позаботился о том, чтобы устранить возможный шум и усердно смазал петли с помощью заранее подготовленной свечи.

После того, как воск впитался в щели, Широн перевёл дыхание и, собравшись с духом, осторожно потянул дверное кольцо на себя.

Скри-и-ип!

Несмотря на все приготовления, дверь оказалась слишком уж массивной. Ржавые петли стали поворачиваться с таким громким визгом, что, казалось, должны были переполошить всю округу.

«Фу-ух!»

Сделав глубокий выдох и успокоившись таким образом, Широн натёр петли воском ещё тщательней, после чего, уже без особых проблем, отворил дверь и вошёл внутрь.

Изнутри склад был похож на обычное продовольственное хранилище. Повсюду груды лежали зерно и овощи, а в дальнем конце находился холодный склад для хранения мяса. Лампы не были зажжены, и в помещении царил непроглядный мрак, однако для Широна это не было препятствием.

Заперев дверь изнутри, он выставил ладонь перед собой и выпустил призрака Бастиона Душ.

Шу-уу...

Похожий на сгусток пепельного тумана призрак, подчиняясь воле Широна, принялся медленно кружить по продовольственному складу.

Призраки Бастиона Душ чувствительны к крови и источникам ненависти. Если где-нибудь поблизости действительно удерживают наследного принца Аль Назара, то они должны на это отреагировать.

Однако, вопреки его ожиданиям, призрак отреагировал лишь на холодный склад – скорее всего эта реакция была связана с хранимым там мясом – и больше ни на что.

Испытывая глубокое разочарование, Широн показал проявлявшему огромный интерес с холодному складу призраку кулак, выругался и обернулся к двери, собираясь вернуться назад, в своё жилище.

И в этот момент...

«А?»

Снаружи слышались чьи-то шаги и направившийся было к выходу Широн стремительно отпрыгнул назад.

Местные монахи ступают легко, и поэтому шаги их практически не слышны, однако с тех пор,

как Широн научился управлять призраками Бастиона Душ, его зрение и слух стали невероятно чуткими.

Стиснув зубы и затаив дыхание, Широн вжался в самый дальний угол. Тем временем, звук шагов приблизился к складу вплотную. Сердце Широна принялось бешено колотиться – нельзя, чтобы его обнаружили! Быстро оглядевшись по сторонам, он наткнулся взглядом на холодный склад, перед которым только недавно парил призрак.

Крадучись, Широн передислоцировался к холодному складу и осторожно взял в руки одну из связок мяса...

«А? Почему не заперто на замок? Кто это у нас такой безответственный ублюдок? Хм... Что? Закрыто изнутри?»

Тум! Тум! Тум!

Постучав в дверь несколько раз и так и не дождавшись ответа, монах приложил к двери обе руки и принялся читать заклинание.

«Призыв Тёмной лозы!»

Тр-реск!

Повинуясь заклинанию монаха, из-под прижатых к двери ладоней появились ярко-зелёные листочки, затем образовалась ветвь, что проникла через толстую дверь и обвилась вокруг засова. Затем, словно рука живого человека, она потянула за него и сняла запор.

Скри-и-ип!

С громким скрежетом дверь отворилась, после чего длинная лоза вновь втянулась в руки хозяина.

Нащупав на стене лампу, монах зажёл её и принялся внимательно осматривать склад. С рук его в любой момент было готово сорваться заклинание, а в губах он сжимал небольшой свисток, чтобы чуть что позвать товарищей на помощь.

Примечание

[1] Заместитель настоятеля, второй человек в монастыре после аббата.

<http://tl.rulate.ru/book/104928/3680078>